

Глава 17. Увядающая красавица

Сознание возвращалось медленно. Я то всплывал на поверхность, то снова погружался в вязкий морок иллюзий. Во рту стояла такая горечь, будто я по ошибке разжевал несколько фунтов желтокорня. Голова отзывалась пульсирующей болью, а в ноздри, помимо навязчивого, пропитавшего всё вокруг аромата орхидей, вплеталось чье-то тёплое дыхание.

Оно было мягким и согревающим. В этом ощущении сквозило нечто двусмысленное, но на редкость приятное — совсем как те мимолётные касания, что чудились мне в лихорадочном бреду последние дни. Прислушавшись к себе, я уловил едва заметную разницу, но отторжения это чувство не вызывало.

Поддавшись порыву, я чуть подался вперёд, не открывая глаз, и попытался по запаху и теплу определить, кто же это замер над моим лицом. Внезапно раздался негромкий смешок.

— Ой-ой, — в голосе прозвучала насмешка, перемешанная с хрипотцой. — Мои губы не так-то просто попробовать на вкус.

Дыхание, коснувшееся моей кожи, стало жарким. Этот звук отозвался в каждой клеточке моего изнеженного, истосковавшегося по отдыху тела, вызвав невольную дрожь.

«Это ещё кто?» — мелькнула ленивая мысль. Что там за шуточки про губы?

Я приоткрыл один глаз, намереваясь взглянуть на наглеца. И застыл. Реакции испарились, я просто пялился, как идиот, на совершенно незнакомое лицо в нескольких сантиметрах от моего.

Передо мной был юноша — классический красавец с соболиными бровями и ясным взором. В его облике угадывалось что-то от «солнечного мальчика» из соседнего двора, но при этом чувствовался налёт книжной мудрости и благородства. Выглядел он абсолютно безобидно.

Впрочем, спустя тридцать секунд я вынес ему вердикт: «Слишком сладко улыбается — жди подвоха». Кто он такой? В моей памяти для него не нашлось ни единой зацепки.

Я скользнул взглядом по нашим губам, между которыми оставалось от силы три сантиметра, и с невозмутимым видом убрал руки, которые — когда только успели? — обвили вокруг его шеи. Отстранив незнакомца на расстояние вытянутой руки, я добавил ещё один пункт к его характеристике: «Очередной бездельник, решивший поглазеть на меня, пока я валяюсь в беспомощности».

Слишком часто в последнее время случалось нечто подобное, но именно эта ухмылка бесила меня больше всего. Какая наглость! Раньше окружающие хотя бы пытались скрыть веселье, когда я приходил в себя, чтобы не задевать моё самолюбие. А этот? Мало того что вдоволь

налюбовался зрелищем, так ещё и лыбится так ехидно... Нет, такого прощать нельзя!

Моё маленькое, хрупкое эго было безжалостно растоптано.

— Где Люй Цэчжи и остальные? — я заставил себя проигнорировать этого типа, которого стоило бы объявить невидимым, и просканировал комнату. Не обнаружив ни одного из спутников, я снизошёл до вопроса единственному свидетелю.

— Они-то? — заговорил он, и его голос снова выдал своего обладателя.

Что ж, поправка: эта хрипотца не была признаком сорванного горла. Люди называют такой тембр «бархатистым» или «магнетическим». Придётся привыкать, иначе, встретить я в этом мире фанатов какого-нибудь певца с похожим голосом, меня бы точно забили камнями за неуважение к столь «божественному» звучанию. Правда, такой глубокий, зрелый голос в сочетании с лицом пятнадцатилетнего подростка смотрелся дико. Настоящее преступление против гармонии природы!

— Играют в шахматы в Изысканной обители «Наслаждение бамбуком», — закончил он.

— В шахматы?! Какая, однако, тяга к прекрасному! — я прищурился.

Замечательно. Я тут едва не отправился на тот свет, сыграв пару десятков партий в маджонг со смертью, а они, проявив чудеса «преданности», бросили меня на попечение незнакомца и отправились развлекаться! Непростительно. Абсолютно непростительно!

Хотя... погодите. Шахматы?

Я покосился на парня, чья улыбка внезапно стала загадочной. Он разглядывал меня с плохо скрываемым интересом и иронией. Это не было неприятно, но заставило меня вздрогнуть. Этот мальчишка не так прост. У обычного подростка не может быть такого тяжёлого, проницательного взгляда.

«Двуличный тип», — решил я и на всякий случай отодвинулся ещё на полметра, втайне молясь, чтобы он не оказался нашим врагом. Иначе мне конец. Разберёт на запчасти и не поморщится.

— Да, в шахматы... — он на секунду замолчал, а потом его тон стал откровенно насмешливым.

— Ты что это делаешь? Проверяешь, всё ли на месте?

Я в этот момент как раз ощупывал себя под одеялом. Действительно, сидеть с голым торсом перед незнакомцем — повод усомниться, не пострадало ли моё достоинство, пока я был в отключке.

Я одарил его ледяным взглядом.

«Ещё чего! Не смей своим бархатным голосом воспевать мою девственность. Чистота? Я тебе что, красна девица? Обойдётся».

Проведя ревизию, я сменил гнев на милость и довольно зажмурился. Раны от меча, полученные несколько дней назад, исчезли без следа. На месте уродливых шрамов осталась лишь розоватая, нежная кожа. Даже плечо, пострадавшее сильнее всего, освободилось от бинтов и выглядело так, будто никогда не знало боли.

На самом деле внутри всё ещё ныло, но плоть зажила с какой-то пугающей быстротой. Это была одна из тех странностей, что преследовали меня в этом мире. Если уж и быть «одарённым», то такая регенерация — пожалуй, единственное, за что я был благодарен судьбе. Мужчине не пристало иметь кожу, нежную как шёлк, но это всё же лучше, чем быть покрытым шрамами, как старая карта.

Игнорируя его идиотские вопросы, я потянулся за одеждой, лежавшей у кровати. В комнате было на удивление тепло благодаря жаровне, так что я не рисковал простудиться, но сидеть в одних простынях перед этим типом было выше моих сил. Нужно приодеться, чтобы вести переговоры на равных. В вопросах имиджа пасовать нельзя!

— Позвольте узнать, кто вы? Мастер шахмат Увэй? — чёрт, ну и накрутили они тут шнурков!

Мой охотничий костюм был в сто раз практичнее. Пока я пытался разобраться, где тут нижняя рубаша, а где верхняя, этот бездельник преспокойно сидел на краю кровати и наблюдал за моей борьбой с тряпками, даже не думая помочь. Ладно, сам справлюсь. Натянув одежду кое-как, я вернулся к допросу.

Раз уж я жив и нахожусь в комфорте, а Люй Цэчжи позволяет себе расслабиться, значит, мы достигли цели. И если он доверил меня этому парню, тот наверняка связан с Увэем.

Только не говорите мне, что этот юнец и есть тот самый Мастер. У него же ещё молоко на губах не обсохло, какая тут может быть надёжность? Но если не он, то кто? Вспоминая похоронные лица друзей перед тем, как я отключился, я понимал: этот «шахматист» — крепкий орешек. И аура, исходящая от парня, подтверждала: он далеко не так прост, как кажется.

Неужели судьба издевается? Почему мне встречаются либо те, кто моложе, либо те, кто хитрее? Мне почти двадцать пять, а я не могу сладить с Цэчжи, который младше на два года, а теперь ещё и этот... Небо, скажи, что это не он! Скажи, что мы тут случайно!

— Вовсе нет, — выдал он ответ, от которого у меня отлегло от сердца. Но радость была недолгой. — Мастер Увэй — мой учитель.

Гром среди ясного неба! Боги, вы издеваетесь?

— Что же касается моего имени... — он улыбнулся совсем уж недобро.

Внезапно его рука метнулась к моему вороту. Я даже пикнуть не успел от неожиданности, а он уже бесцеремонно отвернул край моей новой одежды. На подкладке золотой нитью были вышиты три иероглифа: Юйчи Му.

— Так это твои шмотки, — я кивнул и медленно заправил ворот обратно.

Мой старый костюм, наверное, уже стал униформой для нищих, а вещи Люй Цэчжи и остальных были мне велики. Эти же сидели почти идеально, разве что чуть широковато, но движениям не мешали. Эх, а ведь во мне метр семьдесят восемь, в своё время считался статным красавцем. А в этом безумном мире даже какой-то подросток выше меня на полголовы. Куда делись все съеденные за двадцать лет калории? Обидно до глубины души.

Я резким движением выхватил Холодный кинжал, подаренный Люй Цэчжи, и хладнокровно срезал лоскут с вышивкой. Ха! Моя взяла. Теперь одежда официально моя.

Юйчи... Му? Что за странное имя? «Увядаящая красавица»? Да, он симпатичный, солнечный такой, но до моего эталона красоты ему ещё расти и расти. И вообще, называть парня в расцвете сил «увядающим»? Звучит как намёк на престарелую кокетку. Сплошное несоответствие формы и содержания.

— А это, часом, не то, что называют «отрезать рукав во имя справедливости»? — он подался вперёд, и его лицо стало по-настоящему зловещим.

— Тьфу на тебя! Какой ещё «обрезанный рукав»? Эй, ты меня до инфаркта довести хочешь?! — я выставил ладонь, упираясь в его физиономию.

Собственные слова напугали меня больше его шуток. По спине пробежал холодок. Кажется, я слишком долго общаюсь с этими людьми, раз такие ассоциации первыми приходят на ум.

— Обрезанный рукав, значит... — он прищурился. — Кто знает, кто знает... Кстати, моя фамилия не Юйчи.

Я скептически посмотрел на обрывок ткани на полу. Иероглифы врать не будут.

— Юйчи — это составная фамилия, а Му — имя! — он на мгновение перестал улыбаться, явно задетый моей дремучестью.

Он скользнул взглядом по срезанному лоскуту, и в его глазах что-то недобро сверкнуло. Мне

стало неудобно.

— Ой, да какая разница! — я махнул рукой и попытался встать, чтобы сбросить это странное оцепенение. — Где Люй Цэчжи?

Всё, мне нужно спастись. Найду Люя, попрошу о помощи, иначе этот хитроумный мальчишка меня точно со свету сживёт. Я гордо оттолкнул его руку, когда он попытался меня поддержать, и решительно выпрямился.

В следующую секунду я понял, что мои ноги — это две варёные макаронины. Тело предательски обмякло, и я начал заваливаться вперёд.

К счастью, прежде чем мой лоб встретился с полом, меня подхватили за талию. Оказавшись в объятиях своего спасителя, я тут же вцепился в него мёртвой хваткой. Плевать, подросток он или старик — любой, кто спасает меня от падения, автоматически становится героем!

— Спасибо, спасибо! — я искренне поблагодарил его. Видя, что он не собирается меня отпускать, я решил не вредничать: пусть тащит, так даже удобнее. Отказываться от халявной помощи — удел дураков.

— Ты в шахматы-то играть умеешь? — спросил он, легко неся меня, будто я ничего не весил.

Опять укол по самолюбию! Ещё один сопляк, который сильнее меня. Двадцать пять лет жизни — коту под хвост.

— Да кто же в них не умеет?! — я фыркнул. — В своё время я в «пять в ряд» и прыгалки всех во дворе уделывал. В шахматном мире я — непобедимый чемпион!

— Тогда убедительная просьба, господин Шэ: когда увидишь партию, постарайся хотя бы не смеяться в голос. Договорились? — он остановился и с улыбкой заглянул мне в глаза.

Вот же... Сам лыбится как чеширский кот, а мне, значит, и мускулом не шевельни? Слишком много на себя берёт!

— А если не сдержусь? — я решил пойти на принцип.

Смех — дело десятое, но мне не нравился его покровительственный тон. Мал ещё меня жизни учить. Если я сейчас уступлю, где будет моё достоинство «старшего»?

— Если не сдержишься... — он лукаво прищурился, но в голосе проскользнула угроза, — то кто-нибудь может и помереть.

Чёрт! Да он издевается.

— Слушай, ты можешь не вести себя как столетний старик? Сколько тебе лет вообще? Хватит уже этих интриг! — не выдержал я.

Молодость должна быть яркой и искренней, а не прятаться за фальшивыми ухмылками и загадочными фразами.

— Я не маленький! — улыбка наконец сползла с его лица. Он уставился на меня так, будто я его кровно оскорбил.

— Да неужели? И сколько же вам зим, сударь? — я приподнял бровь.

Ростом он, конечно, удался, даже меня перерос, но лицо-то детское! Никогда не поверю, что он взрослый мужчина. Сам небось стесняется, а я тут смеяться должен.

— Я уже перешагнул порог совершеннолетия! — выпалил он.

Я замер, разглядывая его. Двадцать с лишним? Да ну... Бэби-фейс?!

Не может быть. Неужели он правда такой «старый»? Ладно, допустим. В его мрачном характере действительно было что-то от тех, кому за двадцать.

Но секунду спустя я не выдержал и расхохотался:

— Ха-ха-ха! Всё равно ведь младше меня! — Я покровительственно ткнул пальцем в свою грудь.
— Ну же, назови меня «старшим братом»!

— Брат?! Хм! И сколько же тебе лет, наглец, раз ты решил, что можешь так со мной фамиллярничать? — Он явно закипал. Похоже, возраст был его большой мозолью.

О-хо-хо, как удачно я попал! Улыбка на «молодом» лице — верный признак комплекса. Наконец-то я нащупал твою слабость!

— Немного, совсем немного. Всего на три-четыре года старше. Как говорится, «пустяк, а приятно»! — Я так вошёл в раж, что даже цитаты из классиков посыпались. Знай наших!

— Ну конечно! Ты у нас великий! — Его ехидная ухмылка вернулась. В свете жаровни его зубы блеснули как-то совсем не по-доброму. — Только вот кто из нас вёл себя как десятимесячный младенец, над которым все потешались?

— Десяти... месячный?! — Мой триумф рассыпался в прах.

Удар ниже пояса. Понятно же, на кого он намекает, и именно поэтому это было так обидно. Моя репутация великого охотника была растоптана каким-то нелепым случаем в бреду!

— А ну выкладывай! Что там произошло? Пока я был не в себе, что вы, черти, натворили?! — Я вцепился в его ворот, намереваясь устроить допрос с пристрастием, но силы моментально кончились. Вместо грозного льва я просто обвис на нём, как побитая собака.

Сам себя презирал в этот момент, но любопытство было сильнее стыда. Я смотрел на него, требуя правды.

— Неужели ты и впрямь ничего не помнишь, как и говорил Ши И? — он ответил вопросом на вопрос, и в его глазах заплясали бесенята.

— Что случилось?! Что, чёрт возьми, происходило в те дни, когда я бредил?! — я затаил дыхание.

Внутри всё сжималось от нехорошего предчувствия. Сердце колотилось, подсказывая: ответ мне не понравится.

— Так вот ты какой на самом деле... — протянул он с интересом, явно забавляясь моей реакцией. — Жаль... В болезни ты был куда милее.

Опять эти двусмысленности!

— Я сам у него спрошу! — я попытался вырваться и пойти на поиски Люй Цэчжи.

Хватит с меня загадок! Один вопрос терзает душу слишком долго, я так с ума сойду. Но он крепко удержал меня, и его горячее дыхание снова коснулось моего уха.

— Бесполезно. Уверяю, он тебе ни за что не скажет.

— Это ещё почему? — я сердито уставился на его невозмутимое лицо.

— Ты правда думаешь, что он честно признается тебе в том, как вы целовались на глазах у всех?!